

Мацей Войтышко. Семирамида

Maciej Wojtyszko. Semiramida

© Maciej Wojtyszko, 1995

© Леонард Бухов, перевод с польского, 1996

Тел. (095) 257 69 41

E-mail: ls.buhov@mtu-net.ru

Выдающийся французский философ Дени Дидро в 1773 году посетил Россию по приглашению Екатерины II. Пьеса повествует о непростых отношениях между великим энциклопедистом и великой императрицей, об извечном конфликте между властью и прогрессивно мыслящим интеллектуалом.

Публикация перевода: "Современная драматургия", 1997/4.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЕКАТЕРИНА II, Российская императрица

ДЕНИ ДИДРО, философ

МЕЛЬХИОР ГРИММ, барон, издатель

ЕКАТЕРИНА ДАШКОВА, княгиня

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА, Российская императрица

ПЕТР III, низложенный Российский император

ГРИГОРИЙ ПОТЕМКИН, генерал

АЛЕКСЕЙ БЕСТУЖЕВ-РЮМИН, канцлер

МАВРА, актриса

ГРИГОРИЙ ОРЛОВ, граф

а также: солдаты, лакеи, придворные, крыса и собака

Дени Дидро и Мельхиор Гримм посетили Россию в 1773–74 гг. Дидро оставался в Петербурге пять месяцев. Большая часть сведений о персонажах пьесы соответствует историческим реалиям и почерпнута из дневников Екатерины II и других литературных источников той эпохи.

Поскольку действие пьесы разыгрывается в период с 1762 г. по 1774 г., возраст некоторых персонажей несколько изменен. Я позволил себе некоторое смещение биографии Бестужева-Рюмина, объединив ее с похожей биографией графа Панина – преемника Бестужева на посту канцлера. Остальное происходило так, как здесь описано, или с большой вероятностью правдоподобия. Работая над пьесой, я видел перед собой пустую сцену, что означает согласие с абсолютной произвольностью сценографических решений.

Автор

ДЕЙСТВИЕ I.

Сцена 1.

Дидро выходит на сцену на четвереньках. У него во рту лист салата, одет в халат. Обнюхивает пол.

ДИДРО (жуя салат). Как они встретились? Случайно, как все.

Как их звали? К чему вам это знать?

Откуда прибыли? Из ближайших окрестностей.

Куда направлялись? Да разве кто-нибудь знает, куда он направляется?

Пауза.

Недурное начало. Могло бы стать, например, началом рассказа об амурах философа.

Желаете послушать историю амуров философа?

Нет.

Я и сам не пожелал бы ее слушать, не будь то моя собственная история.

Я заглушал ее в себе. Унес ее с собой в могилу, не записал. Мне было велено молчать. Я молчал. Но все имеет свои границы. Даже моя деликатность. Двести пятьдесят лет. Срок немалый. Это очень долго.

И все же я расскажу. В театре. При помощи актеров.

Некий актер в пьесе, высмеивающей меня, ходил по сцене на четвереньках, обнюхивал землю и жевал салат. (Садится.)

Весь Париж насмеялся над Дени Дидро, прозванным Философом. Это я. Дени Дидро. Ну что ж... я, вне всякого сомнения, человек недюжинный. С этим ничего не поделаешь...

Меня называют мудрецом, натуралистом, аскетом...

Мудрец? Возможно. Натуралист? Вернее, - ревнитель незыблемых законов природы. Аскет? Никогда!

Скорее - бедняк.

Я просто оказался в нищете.

Король заявил, что никогда не допустит моего избрания в члены Академии. Прощай, жалованье, прощай, безбедное, комфортное существование.

Только что мне было запрещено печатать очередные тома Энциклопедии.

Меня - энциклопедиста - лишили Энциклопедии.

У любимой дочери не было ни гроша на приданое.

Я оказался в нищете.

И решил продать свою библиотеку.

Сцена 2.

Входит ГРИММ.

ГРИММ. Не придавай этому слишком большого значения. Прочитай.

Подает Дидро письмо. Тот распечатывает его.

ДИДРО. От кого?

ГРИММ. От Российской императрицы. Запахни халат!

ДИДРО. Зачем?

ГРИММ. Читай!

ДИДРО. Шестнадцать тысяч ливров за мою библиотеку! С правом пользования ею до самой смерти! Просто чудо! Только ты, барон, был способен все так устроить!

ГРИММ. Просто в Петербурге читают мою газету. Сейчас к тебе прибудет гость. Дама. Специальная посланница императрицы.

ДИДРО. Я переоденусь...

ГРИММ. Нет! Ни в коем случае! Лучше останься так!

ДИДРО. Почему?

ГРИММ. Подожди! Сам увидишь!

ДИДРО. Она приглашает меня в Петербург! Ехать?

ГРИММ. Разумеется.

ДИДРО. Но я ненавижу путешествовать!

ГРИММ. А что тут страшного? Сядься в карету и через месяц ты на месте.

ДИДРО. Это тебе, барон, свойственна такая легкость... Ты - свой человек на всех дворах Европы.

ГРИММ. Что ж, бывать приходится повсюду.

ДИДРО. И в Петербурге? До тебя дошли сплетни о том, как умер царь?

ГРИММ. Кое-что слышал.

ДИДРО. Полагаешь, дело сомнительное?

ГРИММ. Я? Ни в малейшей степени.

ДИДРО. Говорят, что смерть царя...

ГРИММ. Глубоко опечалила царицу. Она безутешна. А все остальное - клевета. Как ты выразился - сплетни.

ДИДРО. А по мне, лучше уж мгновенное и жестокое преступление, чем цивилизованный и хронический распад.

ГРИММ. Сплетни, сплетни, сплетни. И твой приезд сгладит неприятное впечатление, вызванное этими слухами в Петербурге, в Париже, в Потсдаме.

ДИДРО. В Потсдаме?

ГРИММ. Великий Фридрих весьма болезненно воспринял эту смерть. Низложенный царь обожал Пруссию и прусский порядок больше всего на свете.

ДИДРО. Эксцентричный владыка.

ГРИММ. Эксцентричный сверх меры. Когда-то, как рассказывают...

Сцена 3.

Смена света. В глубине сцены стоит Петр, очень фальшиво играя на скрипке. Рядом с ним двое солдат заканчивают сооружать маленькую виселицу. Позади – макет крепости, заполненной фигурками солдатиков в таких же мундирах, как и на живых гренадерах, то есть – в форме Голштинского полка.

ПЕТР. Я Царь, я Бог, я Высший Владыка. Каждый, кто нарушит мой приказ, должен понести наказание согласно закону. Не затем я собственными руками возвел эту твердыню, чтобы враг ее изменнически разрушил! Столь подлое преступление не должно остаться безнаказанным. Отмщение неминуемо наступит! (К солдату.) Клетку сюда!

Солдат подает клетку с большой живой крысой.

(К крысе.) Итак, ты видишь, ничтожная крыса, что заслуженной кары тебе не избежать.

А самый доблестный из всех моих лежавых, зоркий и мудрый Фаворит, за то, что поймал тебя в дыре под окном, будет мной пожалован орденом Святого Владимира третьей степени с лентой. Смирно! На караул!!! Ввести Фаворита!

Один из слуг вводит собаку, другой трубит в рог.

Фаворит! Сидеть!

Любезный мой пес! Ты достоин этого отличия больше, чем многие из тех ничтожеств, которых осыпает наградами моя тетушка, милостиво нами правящая государыня Елизавета. Прими сердечные поздравления, а также эту чудесную баранью кость. (Подает собаке кость, ударяет ее шпагой по лапе и вешает на шею орден.) Вывести!

Солдат выводит собаку и возвращается.

А тебя, жалкая крыса, мне нисколько не жаль. Мало того, что ты сожрала двух солдат, так еще и обгадила всю комнату. К тому же я не замечаю в тебе ни малейших признаков раскаяния. Посему – просьба о помиловании отклоняется. Приступить к исполнению!

Один из солдат отбивает дробь на барабанах, другой достает из клетки крысу.

Повесить!

Солдату следует выполнить приказ так, чтобы в петле повисла не настоящая крыса, а кукла, ее изображающая, которая, однако, должна некоторое время дергаться, по возможности естественно.

И вновь правосудие восторжествовало.

Начинает снова играть на скрипке.

Сцена 4.

ДИДРО (один). Ехать или не ехать? Необходимо все взвесить.

С одной стороны...

С другой стороны...

Поеду!

Возможно, там во мне нуждаются больше, чем я допускаю?

Не поеду.

Творческий разум беспорядочно мечется. Разум методический – упорядочивает. Я обладаю разумом и творческим, и методическим одновременно.

Так ехать? Или не ехать?

ГРИММ входит, сопровождая княгиню Дашкову.

ГРИММ. Княгиня! Господин Дидро только что прочитал послание императрицы. Он ошеломлен! Он в полной растерянности! Разрешите представить – княгиня Екатерина Дашкова, близкая приятельница императрицы, ее посредница в делах искусства и науки.

ДАШКОВА. Для меня, скромной читательницы ваших произведений, пожать руку бессмертного – необыкновенное событие.

ДИДРО. Я поистине робею. Вы извините мой домашний наряд?

ДАШКОВА. Но ведь мне говорили, что в этом шлафроке вы посещаете самые изысканные салоны. Я была бы разочарована, застав вас в костюме.

ГРИММ. Он не растает с этим одеянием.

ДИДРО. Приятно слышать, что я вас не разочаровал.

ГРИММ. А недавно слышать, что я вас не разочаровал – он позировал художнице для своего портрета. И вдруг предстал перед ней обнаженным!

ДИДРО. Нет, нет! Я разделся только до пояса. Не мог смотреть, как мадемуазель Теобаре мучается, стараясь разглядеть под тканью контуры мышц.

ДАШКОВА. Мы с императрицей регулярно читаем "Литературную

корреспонденцию", и в ней - вашу мастерскую критику произведений живописи. Шарден, Верне... Грез... Ваш утонченный вкус во всем, что связано с искусством, - еще одна из причин, по которой я имею честь пребывать здесь. Мы давно ожидаем вашего визита.

ДИДРО. Приглашение императрицы - величайшая честь для меня. Однако сейчас мне будет трудно оставить Париж. Все свое время я отдаю работе над Энциклопедией. Даже не публикую некоторые свои труды, лишь бы не повредить этому предприятию. Я стал собственным узником, которому надлежит быть осторожным, чтобы не оказаться в тюрьме.

ДАШКОВА. Да кто же осмелится заключить вас в тюрьму? (Смеется.)

ГРИММ. Вам, княгиня, может показаться невероятным, но господин Дидро провел в тюрьме сто два дня.

ДАШКОВА. В самом деле?

ГРИММ. Для вас, русских, судебное преследование человека за его взгляды или публичное сожжение книги под названием "Философские мысли" - поистине невыносимо! Нам известно традиционное преклонение Востока перед силой разума.

ДАШКОВА. Господа, до недавних пор и у нас случались ужасные дела. И мы имели повод стыдиться. Но - оставим это. Мы, русские, как вы, барон, справедливо заметили, от природы наделены истинным даром отличать добро от зла. Именно потому наш народ повсеместно дарит столь искренним обожанием императрицу Екатерину Вторую.

ГРИММ. Семирамиду Севера, как справедливо титулует ее Вольтер. Божественную Афины! Пальмиру Востока!

ДИДРО. Прошу вас еще раз лично передать императрице выражение моей признательности. Будьте добры, расскажите ее величеству, что я в крайнем отчаянии из-за того, что вынужден сейчас оставаться в Париже.

ДАШКОВА. Может быть, вы, сударь, опасаетесь, что Петербург лишен чего-то, чем обладает Париж? Напрасно. Так что не надейтесь, что мы легко от вас отступимся. Ждите новых приглашений. Императрица вами просто очарована. И весьма рада тому, что стала владелицей вашей библиотеки, хоть и испытывает теперь некоторую озабоченность...

ДИДРО. Озабоченность?

ДАШКОВА. Императрица поручила мне спросить: не находите ли вы, что для вашей библиотеки необходим библиотекарь?

ДИДРО. Библиотекарь? Но к чему? Я сам - собственный библиотекарь!

ДАШКОВА. Именно такого ответа ожидала императрица. Моя государыня просит извинить, что не подумала об этом раньше и шлет вам двадцать пять тысяч ливров в качестве жалованья библиотекаря. Она просит считать эту сумму вашим вознаграждением за ближайшие пятьдесят лет.

Подает документ.

Вот вексель. Могу ли я просить вас удостоверить подписью его получение?

Дидро подписывает.

ГРИММ. Согласись, что это приятный сюрприз.

Восхищенный Дидро только разводит руками.

Не откажите мне в любезности, княгиня, расскажите в Петербурге, что я, барон Гримм, зная Дидро уже двадцать лет, его издатель и друг, впервые вижу как он онемел. Как Дидро не находит, что сказать!

ДИДРО. Воистину! Я потрясен!

ГРИММ. Жалованье за пятьдесят лет - даже для бессмертного неплохой задаток, не правда ли?

Дидро снова жестами выражает свое удивление и восхищение.

ДАШКОВА. Кроме того, императрица просит вашего согласия стать ее советником в делах приобретения произведений французских мастеров, которыми она желает украсить новые дворцы Петербурга. В этих письмах вы найдете подробности.

Дашкова передает письма.

Дидро, не раздумывая, хоть и несколько бестактно, тут же приступает к их чтению.

ГРИММ. Сегодня буду ходить по городу и рассказывать - я видел счастливого человека! Чудный ангел с Востока опустился к стопам мудреца в шлафроке и переменял его судьбу.

ДАШКОВА (к Дидро). Не откажите посетить меня завтра утром в посольстве и сообщить ваш ответ. Это важно. В моем распоряжении всего несколько дней, а нам еще предстоит совместно сделать немало покупок. Фике желает по

возможности скорее украсить картинами и скульптурами новое здание дворца – Эрмитаж.

ДИДРО. Фике?

ДАШКОВА. Так ласкательно называли государыню в детстве. Я позволила себе подобную фамильярность, зная, что нахожусь среди друзей.

ГРИММ. Разумеется, княгиня. Трогательность, с которой вы говорите о вашей государыне, покоряет наши сердца, отныне они принадлежат вам обеим. Добро и красота, излучаемые вами, делают вас самым прелестным послом в мире. Подобной дипломатии покорится любой мужчина.

ДАШКОВА. Ваши слова, барон, подтвердятся делами, если мы все увидимся в Петербурге. И чем скорее, тем лучше. Ах, да! Чуть не забыла. Третьего дня я купила в салоне картину: пастух и девица. Каково ваше суждение о художнике? Весьма милый, правда?

ДИДРО. Буше? Эта карамель? По мне тогда уж лучше Ватто. В нем есть хоть чуточка правды.

ДАШКОВА. Все правда и правда! Правду вы видите повсюду вокруг себя. И что вам с того, если искусство выглядит слаще, чем жизнь?

ДИДРО. Меня мутит.

ДАШКОВА. Как может мутить от того, что гармонично, ярко, мило. Действительность редко бывает приятной.

ДИДРО. Я предпочитаю обыденность и натуральность со скрытой в них внутренней драмой.

ДАШКОВА. Вы себе не представляете, как тягостно жить во дворце, на стенах которого развешены внутренние драмы.

ДИДРО. У меня нет дворца.

ДАШКОВА. В этом все дело. И потому вы должны ехать со мной. Отправляемся через неделю. А по возвращении построите себе дворец. Прошу вас, сударь, начинать сборы. А я тем временем куплю и то, что выбрали вы, и то, что понравится мне. Так будет вернее. Желаю здравствовать, господа.

Дашкова выходит, ее провожает Гримм...

ДИДРО. Неплохой задаток... Так ехать или остаться? Советник императрицы. Я уполномочен творить благодеяния. Могу порекомендовать императрице любую скульптуру, любую картину. Утащить ее прямо из-под носа у самого короля Франции!

Шутка сказать!

Пошлю в Россию Фальконе. Самого талантливого скульптора в Париже. Да что Париж! Во всей Франции. Пусть ваяет для нее Диану, Аполлона! Или конную статую Петра!

Неплохая идея...

Ехать или не ехать?

Жалованье за пятьдесят лет вперед...

Ехать.

Хотя... Кто желает, чтобы ему верно служили, не должен платить вперед. Это нерассудительно.

Остаться.

Ехать, остаться, остаться, ехать.

И я решил: поездку отложить. Тянуть время. Беседовать. В отдалении друг от друга. Таково мое решение – отложить поездку и начать диалог. Почтовый научный флирт на расстоянии. Эпистолярный роман.

Сцена 5.

ЕКАТЕРИНА. Что такое философ?

ДИДРО. Это самозаводящиеся часы. Машина, которая раздумывает над своими движениями.

ЕКАТЕРИНА. Как вы работаете, господин Дидро?

ДИДРО. Прежде всего – думаю, не сможет ли кто-нибудь сделать предложенную мне работу вместо меня и лучше, чем я. При малейшем подозрении, что есть некто, более способный справиться с этой задачей, я отсылаю работу ему.

ЕКАТЕРИНА. Во что вы верите?

ДИДРО. В силу энтузиазма и могущество науки.

ЕКАТЕРИНА. Как быть счастливым?

ДИДРО. Достаточно быть разумным.

ЕКАТЕРИНА. Что есть благо?

ДИДРО. То, что приятно.

ЕКАТЕРИНА. А высшая ценность?

ДИДРО. Разве существует для человека более высокая ценность, чем наслаждение?

ЕКАТЕРИНА. Прошу вас непременно приехать. *(Исчезает.)*

Сцена 6.

ДИДРО. И я поехал.

Спустя десять лет. Тянуть дольше было неловко. К тому же Франция поручила мне деликатную миссию. Воспользовавшись оказией. Приятное с полезным...

Чарующее путешествие: восемь недель, не вылезая из кареты.

Желудок...

Кости...

Голова...

Самое приятное, что я увидел в пути, были ноги некой трактирщицы в Мемеле. Она даже пробудила во мне поэтическую жилку:

Заехав в Мемель, я в трактире ел селедку.

Там подавала мне ее красotka.

И хоть селедкой я пропах после обеда,

Все ж знал, что на красотке той проедусь.^[1]

Сцена 7.

Екатерина, Дидро, Бестужев, придворные.

ЕКАТЕРИНА. С каких это пор российско-турецкие договоры пишутся под диктовку французов? По какому праву французское правительство навязывает мне свои решения? Войну с Турцией выиграла Россия, и она назначит условия мира. Неужели только потому, что я - женщина, меня готов оскорбить даже философ и друг

ДИДРО. Не знаю, что и ответить. Ведь это всего лишь проект договора... Они рассчитывали, что...

ЕКАТЕРИНА. Что я уступлю твоим увещаниям и приму французские предложения! Великий философ и весьма привлекательный мужчина, конечно же, с легкостью переубедит бабу, влюбленную в его творчество!

ДИДРО. Ваше величество! Поручение принца д'Эгильона я не мог не принять! Для меня это могло окончиться Бастилией!

ЕКАТЕРИНА. Имея выбор между тиранией своего министерства и уважением к женщине, ты предпочел страх перед министерством!

ДИДРО. Государыня! Я готов собственными руками порвать и сжечь этот злосчастный проект!

ЕКАТЕРИНА. Нет нужды! Я порву его сама! А тебе достаточно сообщить об этом своим патронам по возвращении в Париж. *(Рвет и бросает в огонь документ.)* И прошу не рассчитывать, что посредством своего мужского обаяния, тебе удастся склонить меня к изменению границ, оплаченных кровью моих солдат. *(К Бестужеву.)* Будьте любезны, граф, ответить французскому министерству, что мы благодарны за их благожелательные идеи.

БЕСТУЖЕВ. Слушаюсь, ваше величество!

Екатерина, Бестужев и придворные выходят.

Сцена 8.

ДИДРО. Так она меня встретила. За каким дьяволом вез я тот договор? Ташился два месяца, чтобы меня сразу же отчитали. Когда Вольтер прибыл в Потсдам, Фридрих Прусский, этот скряга, устроил торжества с фейерверком и большим военным парадом. Меня же проводили в нетопленную комнату и едва дали время на разборку багажа. Я даже не успел разложить книги...

Сцена 9.

ЕКАТЕРИНА. Дидро, ведь в глубине души ты женщин ненавидишь, признайся.

ДИДРО. Государыня, твое обвинение меня оскорбляет.

ЕКАТЕРИНА. Разве это не лицемерие, философ? Ты, как будто, вступаешься за женщин, но в действительности - пренебрегаешь ими. Хрупкость называешь несовершенством, темперамент считаешь отсутствием рассудительности, наконец склоняешь нас к податливости, утверждая, что таковы законы природы.

ДИДРО. Никогда не говорил я ничего подобного!

ЕКАТЕРИНА. Неужели я ослышалась? Или невнимательно читала твои произведения? Ты с таким наслаждением постоянно подчеркиваешь различия между женскими и мужскими сокровищами.

ДИДРО. А разве их нет?

ЕКАТЕРИНА. Желала бы я знать, сколько этих самых дамских сокровищ ты познал, чтобы судить столь уверенно?

ДИДРО. Государыня, несмотря на почтенный возраст, отвечу – не столько, сколько хотелось бы. Не так уж много...

ЕКАТЕРИНА. Как ты думаешь, философ, сколько женщин живет в России? Да и на всем земном шаре?

ДИДРО. Не знаю, мадам, наверное, миллионы...

ЕКАТЕРИНА. Миллионы. И при столь ничтожном опыте ты позволяешь себе судить о миллионах. Разве это научный подход?

ДИДРО. Мадам...

ЕКАТЕРИНА. А эти шуточки, которые ты себе позволяешь в своей книжонке "Нескромные сокровища", относительно женской фальши, алчности, расчетливости!

ДИДРО. Но, государыня, я тебе тот роман не посылал!

ЕКАТЕРИНА. Разумеется, не посылал! Мне пришлось добывать его втайне, даже от автора. Еще одно доказательство двуличности твоего отношения к женщинам, а в особенности – ко мне.

ДИДРО. Нет, нет, нет! Ваше величество!

ЕКАТЕРИНА. Прошу, не титулуй меня величеством. В твоих устах это отдает насмешкой.

ДИДРО. Мадам! Я всегда говорил, что у меня – сто обличей. Не все я показываю охотно. Я не стал посылать тебе те скабрзные рассказы, боясь, что обижу тебя, в особенности из-за обилия в них намеков на французский двор...

ЕКАТЕРИНА. И на французские болезни!

ДИДРО. Что же до моего истинного отношения к женщине, то оно исполнено уважения и глубочайшего почитания. Фривольность в высказываниях о противоположном поле вовсе не означает пренебрежения или ненависти!

ЕКАТЕРИНА. Не верю! Не верю! Я способна отличить фальшивое почтение от подлинного. Я женщина, не забывай об этом.

Сцена 10.

Дидро, Гримм.

ГРИММ. Не стоит унывать, Дидро. Первое впечатление нередко обманчиво.

ДИДРО. Не стоит унывать, говоришь? После такой встречи? Она же глумится надо мной!

ГРИММ. Не придавай значения. Уже завтра она переменится.

ДИДРО. Сомнительно. Она пренебрегает моими работами. Назвала меня лицемером! Как все это вяжется с комплементами, которыми она осыпала меня в письмах?

ГРИММ. Ты должен ее понять. Будущий муж глумился над ней еще до свадьбы, а потом несколько лет не пользовался своими супружескими правами... Из-за незначительного физического недостатка, который легко устранялся. Но она об этом не знала. И с той поры каждого мужчину подозревала в равнодушии. Пока кто-нибудь не доказывал ей обратного... Попытайся добиться ее благосклонности.

ДИДРО. Ты так считаешь? Неужели?..

ГРИММ. Я нахожу, что у тебя есть шансы...

ДИДРО. Шансы?

ГРИММ. Шансы завоевать ее. Постарайся.

ДИДРО. Думаешь, она легко перейдет от негодования к благосклонности? От гнева к улыбкам? Подобно актрисе?

ГРИММ. Она и есть актриса. И какая! Не будь она актрисой, не стала бы императрицей. Если бы ты знал, как пятнадцать лет тому назад... после первых родов, она очнулась во дворце совсем одна. Всеми оставленная. Даже прислуги возле нее не было...

Сцена 11.

Екатерина входит из-за боковой кулисы, волоча за собой по полу покрывало с постели, она пытается кого-нибудь позвать, хлопает в ладоши,

падает.

Входит Бестужев.

БЕСТУЖЕВ. Боже всемогущий! Ваше высочество... Прошу меня извинить. Но здесь нет никого, кто бы обо мне доложил, а я хотел как можно скорее принести вам от имени ее величества самые искренние поздравления с благополучным разрешением от бремени и вручить сей скромный дар.

ЕКАТЕРИНА. Что это?

БЕСТУЖЕВ. Бриллиантовое кольцо и серьги, ваше высочество.

ЕКАТЕРИНА. Я родила девочку или мальчика?

БЕСТУЖЕВ. Как же это? Вы не знаете?

ЕКАТЕРИНА. Я была без чувств, когда унесли дитя. Все громко кричали, - больше ничего не помню.

БЕСТУЖЕВ. У вас девочка.

ЕКАТЕРИНА. Почему она не здесь?

БЕСТУЖЕВ. Государыня, заботясь о здоровье новорожденной, распорядилась перенести ее к себе во дворец. По совету медиков.

ЕКАТЕРИНА. Каких медиков? Где моя мать?

БЕСТУЖЕВ. Медиков ее императорского величества. Ваша матушка пребывает у себя, ваше высочество, по приказу императрицы.

ЕКАТЕРИНА. Моя мать попала в немилость?

БЕСТУЖЕВ. Есть разные взгляды на то, как ухаживать за новорожденными.

ЕКАТЕРИНА. Понимаю. Спасибо.

БЕСТУЖЕВ. Зная ваш разум и силу воли, уверен, что вы, ваше высочество, преодолете все трудности и не предадитесь печали.

ЕКАТЕРИНА. Благодарю.

Бестужев опускается перед ней на колени.

БЕСТУЖЕВ. Хочу лишь добавить: я желал бы служить вам до последнего вздоха и надеюсь, что после долгого правления нашей государыни, вы сумеете изменить облик страны.

ЕКАТЕРИНА. Ваше сиятельство, если кормило власти окажется в ваших руках, можно быть спокойным за Россию.

БЕСТУЖЕВ. Верю, что в будущем мне будет позволено послужить вам своим опытом.

ЕКАТЕРИНА. Спасибо, граф! Я высоко ценю ваши слова. И не забуду этой минуты. И о вас не забуду.

Сцена 12.

ПОТЕМКИН. Верить ли глазам своим! Господин барон Гримм!

ГРИММ. Генерал Потемкин! Не на войне?

ПОТЕМКИН. Воротился на перекладных! Чтобы приветствовать вас! Добро пожаловать снова в Петербург!

ГРИММ. Разрешите, сударь, представить вам - мой друг - знаменитый философ, Дени Дидро.

ПОТЕМКИН. Неужели! Собственной персоной? Систематик?

ДИДРО. Систематик?

ПОТЕМКИН. Так я вас называю. Система, которую вы ввели - пальчики обличешь!

ДИДРО. Что за система?

ПОТЕМКИН. Ну та... Уж до того пришлась мне по вкусу, что наизусть помню: у женщины добродетельной душа живет в сердце или в голове, и больше нигде. У женщины ласковой - обычно в сердце, но иногда в сокровище. У женщины чувственной - то в сокровище, то в глазах. А уж распущенная женщина - это такая, у которой душа помещается в сокровище и никогда его не оставляет.

ДИДРО. Вы читали мою книгу?

ГРИММ. Вот видишь? Какая слава!

ПОТЕМКИН. Если честно, не читал. Друзья рассказали. А братья Орловы читали, им княгиня Дашкова посоветовала. Но книга несомненно превосходная! И еще тот фортель с просверливанием дыр в ягодице! Откуда вы только берете такие идеи?

ДИДРО. Стараюсь по мере возможности.

ПОТЕМКИН. У вас прекрасное перо!

ДИДРО. Благодарю.

ПОТЕМКИН. А вы, господа, слышали, как Орлов стрелял в Москве по

воробьям?

ГРИММ. Нет.

ПОТЕМКИН. Он напился и начал стрелять. Тут выбегает соседка, что напротив, Кукулина, миленькая такая бабенка, и кричит: "Вы мне всех детей перестреляете!" А Гриша ей: "Ничего страшного, в крайнем случае наделаю вам новых!"

Вас не обидит, господа, если я спрошу, с какой стороны вы вошли во дворец? Из парка или с фасада?

ГРИММ. С фасада.

ПОТЕМКИН. И никаких осложнений с караулом не было?

ГРИММ. Несущественные. Они не понимают по-французски, но все же впустили нас.

ПОТЕМКИН. Приходил кто-нибудь старший чином?

ГРИММ. Нет, они сами все сообразили.

ПОТЕМКИН. Вот как? Извините, пойду подучу их французскому.

Выходит.

ДИДРО. Что случилось?

ГРИММ. Они здесь на особом положении. Война. Приходится быть внимательным, чтобы первый встречный казак не имел слишком легкого доступа к государыне.

ДИДРО. Он тех солдат накажет?

ГРИММ. Насколько я знаю генерала Потемкина, они просто получают по морде. Он человек непосредственный.

ДИДРО. Я уж боялся, что из-за нас у них будут неприятности.

Оба выходят.

Сцена 13.

ЕЛИЗАВЕТА. Принимать поздравления – ваша обязанность. Вы представляете императорскую семью. Не следует забывать, что все наши поступки становятся пищей для пересудов. Их обсуждают и трактуют на все лады. Мы не можем вести себя на манер частного лица, подчиняясь собственной прихоти. Почему вчера вас не было на благодарственном молебне?

ЕКАТЕРИНА. Ваше императорское величество, у меня были вторые роды, очень трудные. Я еще очень слаба. К тому же, меня замучил флюс.

ЕЛИЗАВЕТА. Вас замучила ипохондрия. На этот раз вы, благодарение Господу, родили сына и должны быть счастливы.

ЕКАТЕРИНА. Так оно и есть. Но у меня, к сожалению, слишком мало сил, чтобы радоваться.

ЕЛИЗАВЕТА. Вы тратите гораздо больше сил на пустые переживания. Мы устраиваем балы, маскарады, иллюминации, служим обедни и велим звонить в колокола. Родился наследник престола. А вы будьте любезны проявлять радость оттого, что вам выпала честь стать его матерью.

ЕКАТЕРИНА. Моя радость безмерна, ваше величество. Я горда тем, что дала России цесаревича.

ЕЛИЗАВЕТА. И если в следующий раз вам придет в голову блистательно отсутствовать на благодарственном молебне, советую сначала трижды подумать.

ЕКАТЕРИНА (*падает на колени*). Государыня! Виновата! Но я боялась, что упаду в обморок, боялась удушья от кадильного дыма.

ЕЛИЗАВЕТА (*поднимает Екатерину*). Не надо истерик. Вам следует владеть собой. Избегать проявления чувств. Разве я повысила голос, разве кричала? Я лишь деликатно обратила внимание на неправильность вашего поведения. Только и всего. И прошу заметить, я даже не задала вам вопрос, который смог бы привести вас в замешательство: вы уверены, что цесаревич – плоть от плоти вашего супруга? Моего племянника?

ЕКАТЕРИНА. Ваше императорское величество...

ЕЛИЗАВЕТА. Попрошу не перебивать. Я этого не терплю.

ЕКАТЕРИНА. Извините.

ЕЛИЗАВЕТА. Я не требую объяснений по сему поводу. Но если речь идет о соблюдении этикета, потрудитесь принять к сведению, что есть обязанности, пренебрегать которыми недопустимо.

ЕКАТЕРИНА. Слушаюсь.

ЕЛИЗАВЕТА. Я рада нашему взаимопониманию. Ах да, чуть не забыла – князь Салтыков отправляется с нашим посольством в Швецию. Будьте любезны принять это решение со спокойствием. И не выказывать недовольства.

ЕКАТЕРИНА. Хорошо, ваше величество.

ЕЛИЗАВЕТА (*живо, лучезарно*). Вы на меня посмотрите – на мне все заботы о державе. Но разве вы замечали хоть раз, чтобы я утрачивала душевное равновесие?

ЕКАТЕРИНА. Нет, ваше величество.

ЕЛИЗАВЕТА. И хоть я несколько старше вас, спокойно переношу кафельный дым во время обедни.

ЕКАТЕРИНА. Понимаю, ваше величество...

ЕЛИЗАВЕТА. Что вы будете делать, когда не станет меня? (*Выходит.*)

ЕКАТЕРИНА (*закрывает глаза и сжимает кулаки*). Я должна все выдержать! Выдержать! Выдержать... (*Выходит.*)

Сцена 14.

Входит Петр, держа в руках куклу – прусского солдата, – насаженную на палку. Следом за ним входят несколько придворных, среди них Потемкин, Орлов и Дашкова.

ПЕТР. Желаете кое-что посмотреть? Желаете? Идемте!..

Просверливает буравом небольшие отверстия в двери. Затем манипулирует куклой, которая будто бы идет, прикладывает глаз к отверстию и, как бы пораженная, отскакивает.

Идем мы, идем, и что же видим?

Кукла отскакивает.

Ой, какой большой! Какой большой мужчина! И в одном халате! Посмотрите! Ну, прошу вас!

Часть компании, хихикая, подбегает к просверленным отверстиям, другие испуганно и смущенно отворачиваются.

Входит Екатерина.

Я с вас буду брать плату! Разумовский в одном халате, тетушка без... короны. Это – лучшее представление, какое мне доводилось устраивать. Правда?

Поскольку придворные только хихикают, но не отвечают, он отвечает себе сам.

Правда!

Смотрите, смотрите... Хи-хи... Да они просто пьяны. В трезвом виде так себя не ведут. А теперь началась... лирика...

Заглядывает в отверстие.

А может, это всего лишь упоение властью?

Кое-кто нервно смеется.

ЕКАТЕРИНА. Если вы тотчас не отойдете от двери, я все расскажу государыне.

ПЕТР. Фике, не сходи с ума, это всего только шутка.

ЕКАТЕРИНА. Так не шутят!

ПЕТР. Фике!

ЕКАТЕРИНА. Ваше высочество, я хочу поговорить с вами наедине!

Пауза.

ПЕТР. Все – выйдите вон!

Все придворные выходят.

ЕКАТЕРИНА. Заклинаю, ваше высочество, тотчас запретите рассказывать кому бы то ни было о том, что здесь сейчас происходило и впредь не устраивайте подобных развлечений.

ПЕТР. Не любишь марионеток? Тебе не нравятся куклы?

ЕКАТЕРИНА. Вы знаете, ваше высочество, что я имею в виду.

ПЕТР. Нет забавы более веселой, чем марионетки. Правда? (*Отвечает за куклу.*) Правда!

ЕКАТЕРИНА. Сударь! Такое ваше поведение по отношению к императрице недопустимо! Вы наследник престола! Понимаете?!

ПЕТР. Видишь ли, все дело в том, что я вовсе не уверен, что хочу сесть на трон. И еще быть главой церкви! Я – глава церкви! (*Хихикает.*) Лучше уж взять с собой Воронцову и поселиться где-нибудь в глуши. На что мне этот ничтожный двор?

ЕКАТЕРИНА. Ваше императорское высочество... Вам нельзя даже думать так!

ПЕТР. Нельзя... нельзя... нельзя... вот именно.

ЕКАТЕРИНА. Вы рождены, чтобы стать владыкой! Вы политический гений! Стратег! Офицер! Петя... Петя...

ПЕТР. Ну ладно, ладно... Знаю... Такая уж моя судьба. В этом вся беда.

Знаю. Я стратег. Прирожденный полководец. Как Александр. Как великий Фридрих.

Входит Елизавета, взбешенная, пьяная, за ней Бестужев.

ЕЛИЗАВЕТА. Кто придумал эту идиотскую шутку!

Петр и Екатерина молчат.

Можешь не отвечать. Мне все известно! Жалкий паяц! Это верх неблагодарности! Верх! Тебе известно, что я обязана сослать тебя на каторгу? Или заточить в крепость! И такой как ты будет править страной? Решать судьбу России? Да как ты посмел? Отвечай!

Пауза.

ПЕТР. Что мне ответить?

ЕЛИЗАВЕТА. Неужели ты сам не видишь всю низость своего поведения?

Екатерина падает на колени.

ЕКАТЕРИНА. Ваше величество!

ЕЛИЗАВЕТА. К тебе мои слова не относятся. Знаю, ты в этом не участвовала, даже других останавливала. Но этот-то! Будущий государь! А может, мелкий пакостник, гнусный, недостойный соглядатай, который сам не может и потому за другими подглядывает!

ЕКАТЕРИНА. Ваше величество!

ЕЛИЗАВЕТА. Не перебивай! *(К Петру.)* Не один год прошел после твоей свадьбы, прежде чем ты согласился на операцию, сделавшую тебя мужчиной. Но ты, должно быть, уже был слишком стар, чтобы это изменило и твой разум.

ЕКАТЕРИНА. Ваше величество!

ЕЛИЗАВЕТА. Помолчи! *(К Петру.)* Чем радоваться и жить со своею венчанной женой по Божьему завету, сразу же начал путаться с самыми недостойными женщинами двора. Напиваешься до бесчувствия, возишься с куклами и собаками. А удовольствие находишь в том, что подглядываешь за другими. И такой, как ты должен стать российским царем?!

ЕКАТЕРИНА. Ваше величество!

ЕЛИЗАВЕТА. Не перебивай! *(К Петру.)* Ну, как будешь оправдываться?

Петр молчит.

ЕКАТЕРИНА. Ваше величество! То была случайность. Великий князь хотел закрепить на двери занавес для театра марионеток и слишком глубоко просверлил. Он сделал это не намеренно! Умоляю вас!

ЕЛИЗАВЕТА. Встань!

ЕКАТЕРИНА *(по-прежнему на коленях)*. Великий князь порой опрометчив, но он любит вас, государыня, и до конца дней своих будет сердечно благодарен за все, что вы для него сделали.

ЕЛИЗАВЕТА. Так он из благодарности подсматривает за мной?

ЕКАТЕРИНА. У великого князя не было подобных намерений. Это случилось неумышленно.

ЕЛИЗАВЕТА. Не верю! Почему ты не встаешь?

ЕКАТЕРИНА. Я не встану, пока вы, ваше величество, не поверите мне. Все произошло случайно.

ЕЛИЗАВЕТА. Вставай. *(Помогает Екатерине встать. К Петру.)* А ты отправляйся в свои покои и не показывайся мне на глаза по меньшей мере неделю.

Петр молча выходит.

Что вы будете делать, когда не станет меня? *(Вытирает рот платком.)* Хорошо, что ты за него вступаешься. Жена всегда должна защищать мужа. Глупец. *(Выходит.)*

БЕСТУЖЕВ. Ваше высочество, разрешите выразить вам мое уважение и восхищение. Вы были великолепно!

ЕКАТЕРИНА. Спасибо. Это мой долг.

БЕСТУЖЕВ. Хотел бы вновь вас заверить: я желал бы всегда служить вам!

ЕКАТЕРИНА. Граф, я не представляю себе лучшего друга, чем вы! Благодарю вас!

Сцена 15.

ГРИММ. И что ты можешь сказать?

ДИДРО. Скажу, что она неглупа. Но судя по тому, как она меня приняла, боюсь, нам будет нелегко найти общий язык.

Я взбешен.

И готов отступить.

Я уезжаю!

ГРИММ. Я бы, на твоём месте, трижды подумал.

Она уже столько лет очарована тобой. И ценит тебя выше, чем Вольтера!

Она нуждается в совете, в помощи. Понимаешь?

Подумай, Философ... (Выходит.)

ДИДРО. Ценит меня выше, чем Вольтера... Нуждается в помощи?... Гм... (К зрителям.) Помощь? Значит я был не щедро оплаченным паяцем, но кем-то, кто в состоянии помочь? Неужели это возможно? А может быть, я уступаю собственному тщеславию? Нет, нет!

Она относится ко мне серьезно!

Ссорится со мной! Грубит! Но стремится к истине! Ну конечно же, она добивается истины!

Вот уж чего не ожидал! Это многое меняет! Это уже не салонная болтовня, это – миссия!

Я продолжал думать об отъезде, но до этого хотел с ней хоть раз побеседовать.

Наша беседа превзошла все мои ожидания. Сначала мы совместно размышляли над тем, что материальные причины могут привести к нематериальным последствиям. Затем пришли к выводу, что верность возможна лишь благодаря памяти. Начали анализировать математические основы прекрасного. Собственная дочь не слушала меня с таким вниманием. Я заметил, что она вовсе не думает об этикете. Что совершенно естественна и проста. При частных встречах она была боса и садилась на корточки. Просто чудесно. (Вытирает нос и снимает обувь.)

Сцена 16.

Дидро говорит, обращаясь к выступающей из мрака Екатерине. Оба босы, сидят на корточках.

ДИДРО. ...Несомненно. А лицемерие – это неосознанная почеть, воздаваемая добродетели.

ЕКАТЕРИНА. Так что же нужно сделать, чтобы люди относились друг к другу искренне и непринужденно?

ДИДРО. Друг к другу или к императрице?

ЕКАТЕРИНА. А разве есть какая-то разница?

ДИДРО. Неужели ты не ощутила ее на самой себе?

ЕКАТЕРИНА. Ты прав. Все годы правления императрицы Елизаветы я жила в страхе перед ней, хоть и трудно сказать, откуда тот страх исходил.

ДИДРО. Страх жил в душах людей, что ее окружали.

ЕКАТЕРИНА. А ты веришь в Бога?

ДИДРО. В Бога?..

ЕКАТЕРИНА. Ответь откровенно.

ДИДРО. Наверное – нет. А ты?

ЕКАТЕРИНА. Наверное – верю. Хоть и сомневаюсь, что желала бы участвовать во всех нудных богослужениях, совершаемых нашими священниками. Эти огни, ладан, покаяния... Монотонные песнопения... Нравственное насилие.

ДИДРО. Тогда ответь мне на вопрос: могут ли люди относиться друг к другу искренне и непринужденно, если владыки и священнослужители всего мира требуют от них покорности и нудных богослужений?

ЕКАТЕРИНА. Да, но...

ДИДРО. Подожди! (Хватает ее за руку.) Ответь, может ли человек быть свободен, если живет в страхе?

ЕКАТЕРИНА. Нет.

ДИДРО. Вот именно! Освободи людей от страха, и никто не побоится сказать того, что думает.

ЕКАТЕРИНА. Но человек всегда чего-нибудь боится.

ДИДРО. Чего?

ЕКАТЕРИНА. Болезни, нужды, смерти.

ДИДРО. Я не боюсь. Для меня совершенно естественно, что я когда-нибудь умру, и совершенно очевидно, что всегда мне будет недоставать денег. Болезни я, разумеется, боюсь, однако такой страх не мешает мне говорить правду.

ЕКАТЕРИНА. Завидую тебе. А я живу в постоянном страхе. Если не за себя, то за свой народ.

Голос Орлова за дверью.

ОРЛОВ. Пропустите, не то убью!

Звуки борьбы. На сцену вбегает Орлов с кинжалом в руке, за ним Потемкин и Бестужев. Орлов падает крестом к ногам Екатерины.

Вели казнить, только не прогоняй!

ЕКАТЕРИНА. Как ты сюда вошел?

ОРЛОВ. Не могу жить без тебя. Да, я виноват. Знаю, что виноват. Но все было не так. (*Бьет лбом об пол.*) Но ведь... Ведь десять лет вместе. И так понимаем друг друга. Хочу служить тебе. Хочу за тебя погибнуть. Делай со мной, что пожелаешь, молю. Сжалься надо мной. Фике, так даже собаку не выгоняют!

ЕКАТЕРИНА. Прежде всего прошу прекратить эту смешную голодовку. Вы, кажется, уже две недели ничего не ели.

ОРЛОВ. В рот ничего не возьму, пока не простишь меня.

ЕКАТЕРИНА. Ни в чем я вас не виню. Прошу начать есть. Тотчас же.

Орлов берет из вазы виноград и набивает себе полный рот.

ОРЛОВ. Повинуюсь. Ем. Видишь - ем. Выполню все, что только пожелаешь. Помнишь, как я скомандовал - "Пади!" А ты прошла по спинам целого полка и ножки не замочила? Помнишь, как мы танцевали сразу же после твоей коронации? Не верь тому, что тебе доносят! Никогда я не говорил, что хочу стать царем. Я хочу быть твоим мужем. Я и есть - твой муж, а ты - моя жена. У нас с тобой дочь! Не отрицай! Я нужен тебе. Кто может быть для тебя лучше, чем я? Кто?

ЕКАТЕРИНА. Прошу вас выйти и ожидать моих решений в своем доме.

ОРЛОВ. Я жду уже три месяца. Не уйду, пока ты не вспомнишь, как меня любишь. Или я на этом месте жизни себя лишу. (*Прикладывает кинжал к своему горлу.*)

ЕКАТЕРИНА. Вам не удастся меня запугать. Мне даже тревожно за вас. Сочувствую вам. Но запугивать себя не позволю. Если вы не намерены уйти - уйду я. (*Выходит.*)

Потемкин хватает Орлова за руку, в которой тот держит кинжал.

ОРЛОВ. Гриша,пусти меня!

ПОТЕМКИН. Не пущу! Успокойся, вернись к себе, в свой дом!

ОРЛОВ. У нее кто-нибудь есть? Скажи мне, есть?

ПОТЕМКИН. Откуда мне знать?

ОРЛОВ. Да она не смогла бы три месяца вытерпеть без мужика. Я ее знаю. Скажи, кто этот сукин сын? Он?

Указывает на Дидро, которого заслоняет собой Бестужев.

ПОТЕМКИН. Ты теряешь разум.

ОРЛОВ. Тогда - кто?

ПОТЕМКИН. Не знаю!

ОРЛОВ. Берет себе гренадеров на одну ночь?

ПОТЕМКИН. Отдай кинжал.

ОРЛОВ. И она меня прощает? Да без меня Пугачев был бы уже в Москве. Я ей нужен! Втолкните ей, что я ей нужен! (*К Бестужеву.*) Граф! Вам, что, плохо со мной было? Я в вашу политику не лез, ведь так? Мы же старые друзья. Скажите ей, пусть простит меня!

БЕСТУЖЕВ. Не позорьте нас перед иностранным гостем. Ваши капризы могут сделать нас посмешищем в глазах всей Европы.

ОРЛОВ (*к Бестужеву*). Ты любым готов пожертвовать, лишь бы остаться возле Фике, признайся?

ПОТЕМКИН. Пойдем, я провожу тебя домой!

Орлов, поддерживаемый Потемкиным, выходит, но внезапно, на мгновение вырвавшись, начинает рычать и лаять по-собачьи.

ОРЛОВ. Гав! Гав! Желая веселой собачьей свадьбы! Гав!

Потемкин снова хватает его и выводит.

БЕСТУЖЕВ. Господин Дидро.

ДИДРО. Слушаю вас.

БЕСТУЖЕВ. Прошу извинить нас. Умственные расстройства случаются в России так же, как и во Франции, не так ли?

ДИДРО. Несомненно, граф.

БЕСТУЖЕВ. Просто счастье, что этот безумец никому не причинил вреда.

ДИДРО. Но как он сумел проникнуть во дворец?

БЕСТУЖЕВ. Помешанные бывают порой весьма хитроумны. Еще раз прошу нас простить. Мне надо переговорить с начальником караула. Извините. (*Выходит.*)

Входит Гримм.

ГРИММ. Из-за этого скандала не состоится моя встреча с императрицей.

ДИДРО. А моя была прервана.

ГРИММ. Она в нем больше не нуждается, а он не желает с этим смириться. Такое случается.

ДИДРО. Он походил на кипящий котел. Ревел как бык. Кричал, что без него она погибнет. Так он выразился.

ГРИММ. Тем хуже для него. Он не в состоянии удовлетворить ее возросшие запросы. И потому мы здесь.

ДИДРО. Тебя ничто не удивляет, барон? Не вызывает растерянности?

ГРИММ. А что должно меня удивлять?

ДИДРО. Мы приехали сюда, чтобы удовлетворять высшие, духовные запросы императрицы, но, похоже, неволью становимся причиной изменения ее запросов более приземленных.

ГРИММ. Я уже начинаю тебя ревновать.

ДИДРО. Никому не нравится обожать бескорыстно.

ГРИММ. Ты, однако, смел, Дидро.

ДИДРО. Дорогой барон, три четверти своей жизни мы расходуем на желания без поступков.

ГРИММ. Воистину так.

ДИДРО. И на поступки без желания.

ГРИММ. Следует ли из этого, что она и тебе прислала артисточку?

ДИДРО. Не понимаю.

ГРИММ. Неужели не прислала?

ДИДРО. Не знаю, о чем ты.

ГРИММ. Нет? А мне сделали прелестный подарок. Молодая, хорошенькая и глупая служаночка, хорошо говорящая по-французски, поскольку она играет в императорском театре. Помнит наизусть всего Расина и вообще получила неплохое образование.

ДИДРО. Я начинаю тебе завидовать.

ГРИММ. Напрасно. Достаточно ей намекнуть, что тебе в Петербурге очень одиноко.

ДИДРО. Я плохо сплю, у меня невероятно жесткая кровать. Нарышкины весьма гостеприимны, но встают они слишком рано.

ГРИММ. Расскажу обо всем этом императрице. Не сомневаюсь, что она придумает какой-нибудь способ тебе помочь. Ах! Чуть не забыл. Императрица приглашает нас в свой театр. В одиннадцать утра. Пьесу она написала сама. Я ее читал. Весьма недурно. Переработка немецкой пьесы. Прощай!

ДИДРО. До свиданья, барон.

Сцена 17.

ДИДРО (один). Театр. Все сочиняли театральные пьесы.

Эпоха была больна театром.

Театр был болен эпохой.

Царил кризис театра, как утверждали критики.

И кризис критики, как говорили в театре.

Я и сам начал сочинять пьесы.

О мещанах.

Такого еще не бывало.

Поначалу меня приняли холодно. Потом, неожиданно, публика стала заполнять залы уже в половине пятого.

Взбирались на стены, набивались во все углы...

Во времена, когда все фальшиво, театр предлагает наивысшую подлинность.

Но что с того...

Я понял, что выйдя из театра, люди не становятся лучше.

Ни на йоту.

Так завершилось мое увлечение театром.

А сейчас я промерз до костей. Бррр...

Почему она не прислала мне такую же девицу?

Неужели меня она ценит меньше, чем Гримма?

Невозможно.

Зачем я, собственно, сюда приехал?

Ради этих несчастных денег?

Вздор.

Я не лакей.

Тогда зачем?

Исполнить миссию?
Исполнить миссию. Принести свет разума в эту огромную страну.
Искоренить предрассудки. Облегчить участь бедных, возвысить нравы богатых.

Богатые приятны в общении, весьма приятны...
А бедняки? Ужасны. К ним не хочется приближаться. Один только запах...
Бррр...

И что с того.
Я непоследователен.
Верю в добро, в красоту, в правду.
И не нахожу согласия сам с собой.

Она красива.
И может быть добра.

Екатерина.

Фике.

Я влюбился!

Осторожно, осторожно.

Кто заменит Орлова возле нее?

Хватит.

Я старый, усталый, я смешон. Ничего мне не нужно. И никому я здесь не пригожусь.

Пора домой.

Возвращаюсь. Пора собирать пожитки и уезжать, пока не станет поздно.

Сцена 18.

Перед горящим камином сидит обнаженная девушка.

ДИДРО. Вам не холодно, барышня?

ДЕВУШКА. У огня - нет.

Пауза.

ДИДРО. Я тоже иной раз люблю сбросить одежды, но делать это по приказу, должно быть, не слишком приятно?

ДЕВУШКА. Не понимаю.

ДИДРО. Кто велел тебе войти в мою комнату и раздеться?

ДЕВУШКА. Не могу сказать.

ДИДРО. А что ты можешь сказать?

ДЕВУШКА. Мне велено сказать: Разве существует для человека ценность более высокая, чем наслаждение?

ДЕЙСТВИЕ II.

Сцена 1.

На возвышении в глубине сцены идет репетиция пьесы Екатерины II "О, время!" В ней участвуют: Мавра - девушка, с которой мы познакомились в конце I действия, и ее партнер. За репетицией наблюдают Екатерина, Дидро, Гримм и Потемкин.

МАВРА. "Проклятая безбожница, - кричала она на меня, - такой ли теперь час? Пришла ли ты, как сатана, искушать меня светскими суетами тогда, когда все мысли мои заняты покаянием и от всякого о свете сем попечения удалены!" Прокричав с великим сердцем, бросила мне в висок молитвенник. И теперь еще знак есть, но я мушкой залепливаю. (К партнеру.) А он мне: "Бедняжка, как мне тебя утешить?" А я...

ЕКАТЕРИНА. Постой! Постой! Куда ты гонишь? Господин Дидро, не откажитесь нам помочь! Сыграйте за партнера. Не сомневаюсь, что вам не раз доводилось играть роль возлюбленного.

ДИДРО. Ваше величество, в молодости я мечтал стать актером, но потом отказался от подобного намерения. Хороший актер должен быть подражателем, сохраняя холодность. А холодность извращает характер. Я же в глубине души исполнен страсти, даже экзальтации. Хоть и пытаюсь это скрывать. (Поднимается на сцену.)

ЕКАТЕРИНА. Прекрасно. А теперь со слов: "Когда все мысли мои..."

Мавра произносит свой текст до конца, затем Дидро.

Нет! Нет! Господин Дидро, где та натуральность, которую вы прославляете в своих рассуждениях об искусстве? Играть самому труднее, чем критиковать.

Не забывайте об этом! А ты, Мавра, помни: одно дело, когда ты повторяешь слова той полоумной ханжи, и совсем другое, когда говоришь от себя. *(Проигрывает переход от прямой речи к речи косвенной. Может быть, и текст возлюбленного.)* А на мушку следует указать. *(Показывает. Обращается к Мавре.)* Вот теперь хорошо. На сегодня достаточно. Можешь идти! *(Актеры уходят, мужчины аплодируют.)*

Ну как, разве моя Мавра не лучше, чем мадемуазель Клэрон в Париже?

ГРИММ. Прежде всего, она хуже вашего императорского величества! У вас необыкновенный талант!

ПОТЕМКИН. Несомненно!

ДИДРО. Да. Вы, государыня, до конца овладели сутью этого искусства!

ПОТЕМКИН. Несомненно!

ЕКАТЕРИНА. А в чем суть этого искусства?

ДИДРО. В способности распознавать любую человеческую натуру и подражать ей.

ПОТЕМКИН. Несомненно!

ГРИММ. Прекрасно сказано. Создается впечатление, что вы, государыня немало знаете о людях. И о том, как они проявляют свои чувства.

ЕКАТЕРИНА. Я уже долго живу! И много наблюдаю.

Все смеются.

ГРИММ. Вы все шутите!

ПОТЕМКИН. Долго живу! Да ради такой не жалко принять сто палок.

ДИДРО. Двор и театр: две школы имитации чувств. Но скажите, господа, разве есть актер, способный сравниться с многоопытным царедворцем?

ЕКАТЕРИНА. Я театр ставлю выше. Он бескорыстнее, чем двор. Впрочем, я ценю и то, и другое. У них разные, но одинаково полезные цели. Только одно мне претит: имитация любви. Прежде всего - у придворных.

ГРИММ. Я, однако, полагаю, что ваше императорское величество способны безошибочно распознать подлинное чувство привязанности и почитания.

ПОТЕМКИН. Несомненно.

ЕКАТЕРИНА. Я бы рисковала показаться весьма самоуверенной, если бы не восприняла ваши, барон, слова как бесстыдную лесть. *(Смеется. Мужчины ей вторят.)* Но любопытно, что животные проявляют свои чувства более искренне и непосредственно. Например, петух... Генерал Потемкин умеет превосходно изображать пение петуха! Григорий Александрович, покажи нам свое искусство!

ПОТЕМКИН. Вот петух, который на рассвете просыпается и видит, что проспал. *(Поднимается на сцену и поет.)* А теперь - петух созывающий кур к зерну. *(Поет. Все смеются.)* Ну, а вот - влюбленный петух! *(Поет, глядя императрице в глаза. Это, несомненно, пение влюбленного петуха. Все смеются.)*

ЕКАТЕРИНА. Видите, господа, даже животные умеют делать вид.

Все, смеясь, выходят, кроме Дидро.

ДИДРО. Эпизод в театре, вопреки ожиданиям, не отдалил императрицу от меня, скорее, он нас сблизил. Мы продолжали встречаться. Она все чаще искала поводы для бесед. Однажды я был приглашен на прогулку в Летний сад. Летний сад! Стоял февраль и я чертовски мерз в своем подбитом ветром парижском пальто. Она подъехала в санях. На ней была великолепная, теплая шуба.

Сцена 2.

Звон колокольчиков на санях.

Екатерина и Дидро, последний мерзнет.

ЕКАТЕРИНА. Дидро! Просвети меня. Научи, как мне поступать с людьми, как мыслить, как преодолевать сложности этой жизни! Я чувствую себя такой одинокой и беспомощной. Как поступать, чтобы этот великий народ меня не проклял, не захотел убить. Я хочу быть для них матерью, а мне постоянно приходится подписывать смертные приговоры. Я запретила пытки. Ведь это правильное решение, не так ли?

ДИДРО. Разумеется, правильное.

ЕКАТЕРИНА. А Гримм утверждает, что править без страха - невозможно.

ДИДРО. Страх - это солдат, который в один прекрасный день дезертирует.

ЕКАТЕРИНА. Разве могут разум и трудолюбие уравновесить зло, таящееся в человеческой натуре?

ДИДРО. Вольтер учит нас, что законы природы следует подчинить канонам разума - иначе зло будет неизменно торжествовать.

ЕКАТЕРИНА. Ты тоже так считаешь?

ДИДРО. Я верю в могущество мысли. Верю, что если и примитивные народы, и цивилизованные общества равно прославляют добродетель, следовательно они жаждут ее, такова их всеобщая воля. А род человеческий дарит любовью и уважением только тех, чья индивидуальная воля объединяется с волей всеобщей.

ЕКАТЕРИНА. Я должна это записать.

ДИДРО. Ты разумна. С готовностью прислушиваешься к вожелениям своего народа. Стремись принести ему пользу. Для тебя этого должно быть достаточно. И тогда, как правительница – ты идеал.

ЕКАТЕРИНА. А как человек?

ДИДРО. А как человек, как индивидуум – ты вправе делать все, что не запрещено родом человеческим.

ЕКАТЕРИНА. Все?

ДИДРО. Все, если это не вредит другим личностям.

ЕКАТЕРИНА. Хм... Понимаю. Но как мне помочь моему народу?

ДИДРО. Только творя мудрые законы и видоизменяя неразумные. Те, что были результатом невежества и предрассудков. Шаг за шагом.

ЕКАТЕРИНА. Шаг за шагом?

ДИДРО. Именно. Люди просвещенные сами смогут приносить счастье друг другу.

ЕКАТЕРИНА. Но как их просветить?

ДИДРО. В первую очередь – освободить.

ЕКАТЕРИНА. Невежественных?

ДИДРО. Нелегко просвещать раба.

ЕКАТЕРИНА. Но легче, чем освободить непросвещенного.

ДИДРО. Ничто так не способствует просвещению, как свобода.

ЕКАТЕРИНА. Это так. Но свобода для мужика чаще всего означает анархию.

ДИДРО. Следует учить и освобождать. Одновременно.

ЕКАТЕРИНА. Шаг за шагом. Ты составишь для меня такой проект? Как просветить мой народ? Проект образования для всего общества?

ДИДРО. Но ведь я, собственно, немного знаю о России. Единственное, чему я научился, это чихать по-русски.

ЕКАТЕРИНА. Разговаривай, с кем захочешь. Изучай. Выпытай. Составишь для меня этот проект? Ты готов?

ДИДРО. Попытаюсь.

Оба выходят.

Сцена 3.

ДИДРО. Итак, я стал изучать народ, для которого мне предстояло создать проект системы просвещения. И начал с изучения Мавры.

Входит Мавра.

У тебя есть семья?

МАВРА. Что?

ДИДРО. Есть ли у тебя семья? Братья, сестры, родители?

МАВРА. Нет. Да.

ДИДРО. Так – да или нет?

МАВРА. Нет. Не помню.

ДИДРО. Ты не помнишь свою семью?

МАВРА. Мне было шесть лет, я бегала перед избой, а тут проезжала телега управляющего. Его люди вылавливали всех детей, которые уже хорошо ходили, и сажали их на телегу. На продажу. Меня сразу же продали в Петербург камердинеру графа Панина. Он меня многому научил. Дал мне французскую книжку и велел читать. Его старшая дочь – горничная, от нее я научилась накручивать локоны.

ДИДРО. А как ты оказалась в театре?

МАВРА. Княгиня Дашкова купила меня, когда мне было тринадцать лет – специально для государыни.

ДИДРО. А потом ты бывала в родной деревне?

МАВРА. Никто не помнит как та деревня называлась.

ДИДРО. А другие актеры? Тоже взяты из деревни?

МАВРА. Или из дворовых.

ДИДРО. Как же тебе представляется твое будущее?

МАВРА. Что?

ДИДРО. Что с тобой станет к старости?

МАВРА. Я коплю на приданое.

ДИДРО. И уже присмотрела жениха?

МАВРА. Зависит от того, сколько накоплю.

ДИДРО. А чему бы ты хотела научить своих детей?

МАВРА. Чему?

ДИДРО. Представь себе – вот ты вышла замуж. У тебя сынок и дочка. Чему ты хотела бы их научить?

Мавра молчит.

Ну, попытайся фантазировать – вот ты разбогатела, вышла замуж, у тебя двое славных, здоровых детей, мальчик и девочка. Чему ты хочешь их научить?

МАВРА. Извините, сударь. *(Кланяется и выбегает, сдерживая рыдания.)*

ДИДРО. Я все понял. Мавра, по какой-то причине, не могла иметь детей.

Входит Гримм.

ГРИММ. Только этого не доставало, чтобы она рожала детей. Тогда каждый дворец был бы полон побочными детьми от лакеев и горничных. Ты только себе представь? К счастью, наука достигла в этой области поразительного прогресса. Она делает человека свободнее, во всех отношениях.

ДИДРО. Да, это было бы смешно, но зато в согласии с законами природы.

ГРИММ. Наш бывший друг Жан Жак Руссо, свято верящий в разумность законов природы, в результате отдал пятерых своих детей в приют, чтобы они не мешали его размышлениям над совершенством натурального порядка вещей.

ДИДРО. Горничная страдает, потому что не может иметь детей, философ же от них избавляется, поскольку дети ему мешают. Кто из них ближе к натуре?

ГРИММ. Этого я не знаю. Зато знаю, кто более счастлив.

ДИДРО. Так кто же?

ГРИММ. Тот, кто богаче. Деньги освобождают нас от повседневности, уродства... и от природы.

ДИДРО. Это плоско и аморально.

ГРИММ. Здесь, в этой стране, несколько преждевременно проповедовать добродетели. Они еще не дозрели, хотя кое в чем уже успели прогнать.

ДИДРО. Мне порой начинает казаться, что это другой мир, не до конца мне понятный. Порой возникает впечатление, что большинство слов имеет здесь совершенно иной смысл, чем во Франции. Горничная вовсе не означает горничную.

ГРИММ. А философ не обязательно играет роль философа. Только двор всегда остается двором. Главное, чтобы на руках были нужные карты.

ДИДРО. Да. И чтобы не впасть в немилость.

Входит Бестужев.

БЕСТУЖЕВ. Впасть в немилость? Кто впал в немилость? О ком вы говорили?

ДИДРО. Мы говорили о дворе. О том, что при всех дворах мира самое главное – не лишиться благорасположения.

БЕСТУЖЕВ. Не мне об этом рассказывать. Я пережил некогда страшные минуты, когда императрица Елизавета повелела меня арестовать и подвергнуть пытке, справедливо подозревая, что я содействую не Петру, а его супруге. Я с ней переписывался. Мне, к счастью, удалось заблаговременно сжечь все бумаги, в том числе – мой собственный проект устройства государственного правления после смерти Елизаветы. И чуть было не увлек за собой в пропасть будущую императрицу. Но великая княгиня Екатерина не сказала ни слова и меня не выдала.

Сцена 4.

Входят Петр и Елизавета. К ним присоединяется Екатерина, которая сразу же падает на колени.

ПЕТР. Она злая и глупая! Злая и глупая!

ЕЛИЗАВЕТА *(к коленопреклоненной Екатерине)*. Вас одолела гордыня! Потрудитесь вспомнить, как однажды в Летнем дворце я вас спросила, не болит ли у вас шея, заметив, как вы едва мне поклонились. Из гордости – лишь чуть кивнули!

ЕКАТЕРИНА. О, Боже, неужели вы, государыня, допускаете мысль, что я способна выказывать гордость по отношению к вам? Клянусь, у меня ничего подобного и в мыслях не было!

ЕЛИЗАВЕТА. Вы почитаете себя умнее всех на свете!

ЕКАТЕРИНА. Если бы я так думала, ничто не могло бы лучше избавить меня

от подобного заблуждения, чем мое нынешнее положение. Я благодарна вашему императорскому величеству за все оказанные мне благодеяния, и заверяю вас, что величайшим несчастьем всей моей жизни будет лишиться благосклонности вашего величества. Я прошу отослать меня к моим родственникам.

ЕЛИЗАВЕТА. Как же это – отослать? Не забывай, сударыня, здесь твои дети!

ЕКАТЕРИНА. Мои дети в ваших руках и нигде им не может быть лучше.

ЕЛИЗАВЕТА. Просто смешно! А что я скажу всему свету?

ЕКАТЕРИНА. Расскажите, если сочтете это уместным, чем я навлекла на себя вашу, государыня, немилость и ненависть великого князя.

ПЕТР. Какое бесстыдство!

ЕЛИЗАВЕТА. А на какие средства вы собираетесь жить в своей семье?

ЕКАТЕРИНА. На те же, что и прежде, когда еще не имела чести пребывать здесь!

ПЕТР. Хо, хо, хо!

ЕЛИЗАВЕТА. Ваша мать бедствует! Ей пришлось уехать в Париж.

ЕКАТЕРИНА. Знаю. Прусский король преследует ее за чрезмерную преданность интересам России.

ПЕТР. Теперь вы сами убедились, государыня, сколько в ней злости! Прусский король никого не преследует!

ЕЛИЗАВЕТА. По этому делу у меня есть свое мнение. И прошу вас, сударь, не вмешиваться, если вас не спрашивают. А вы, сударыня, ввязываетесь в дела, которые вас не касаются. С каких это пор иностранная политика стала входить в компетенцию супруги престолонаследника. Вы переписываетесь с министром Бестужевым.

ЕКАТЕРИНА. Те три письма...

ЕЛИЗАВЕТА. Бестужев утверждает, что их было больше!

ЕКАТЕРИНА. Если он так утверждает – он лжет...

ЕЛИЗАВЕТА. Хорошо. Если Бестужев лжет, я велю его пытать.

ЕКАТЕРИНА. Вы поступите, как сочтете нужным.

ПЕТР. Она злая и глупая. Злая и глупая!

ЕЛИЗАВЕТА. Я могла бы еще многое вам сказать, но сейчас не хочу, иначе вы окончательно рассоритесь.

ЕКАТЕРИНА. И я бы хотела открыть вам душу и сердце.

Елизавета выходит.

ПЕТР. Я разведусь с тобой, а моя новая супруга будет наверняка послушнее.

ЕКАТЕРИНА. Я не намерена спорить.

ПЕТР. Уж она-то не станет проводить собственную политику.

ЕКАТЕРИНА. Все ваши обвинения безосновательны.

ПЕТР. погоди! Я найду новые доказательства!

Петр выходит. Екатерина остается на коленях.

Сцена 5.

ГРИММ (к Бестужеву). И вас пытали?

БЕСТУЖЕВ. Нет. Ведь против меня не было никаких доказательств. Но всякое могло случиться... Разве моя любовь и преданность ей безосновательны?

ГРИММ. Да, подобные обстоятельства связывают узами дружбы и верности на всю жизнь.

ДИДРО. Вы чрезвычайно привязаны к императрице.

БЕСТУЖЕВ. Я люблю ее, как дочь. (*Кланяется и выходит.*)

ДИДРО. Ты понял, чего он хотел?

ГРИММ. То было предостережение.

ДИДРО. От чего?

ГРИММ. От намерения конкурировать.

ДИДРО. Ты шутишь. Чем мы можем ему угрожать?

ГРИММ. Естественно, ничем. Я выступаю в роли шута. А вот с ролью наставника дело обстоит хуже...

ДИДРО. Что ты хочешь этим сказать?

ГРИММ. Просто я наблюдаю и делаю выводы. И тревожусь за тебя. (*Выходит.*)

ДИДРО. И он был прав. Но я, вопреки всему, создал проект организации просвещения в России, опираясь на немецкий и французский опыт, и передал его в руки Екатерины. Проект казался мне разумным, хоть и несколько радикальным.

Он побуждал к расширению гражданских свобод.

Входит Екатерина.

ЕКАТЕРИНА. Сегодня мы не будем говорить о твоём проекте. Я его ещё не изучила. Хочу говорить о тебе. Я отдала Орлова. Ты оказался случайным свидетелем некрасивой сцены. Ведь он последние десять лет был для меня ближе всех. И предал. Связался с какой-то потаскушкой. А я хранила ему верность. Разве такое прощают?

ДИДРО. Мадам...

ЕКАТЕРИНА. К тому же он требовал, чтобы я поделила с ним власть. Захотел стать царем.

Если бы этого пожелал ты, я бы, наверное, решила отречься в твою пользу. Твои идеи гарантировали бы людям благополучие и справедливость. Но этот жестокий, неотесанный тупица?

Кладет руку ему на бедро и прижимается к нему.

В тебе есть мудрость, искренность, искушенность. В спокойных глазах – бездонная глубина. Зрелость мужчины и мощь неутомимого вдохновения поэта.

Ласкает немного оробевшего Дидро.

Разве ты можешь знать, как пуста моя жизнь?

Если бы не книги – твои, Вольтера, – я бы, наверное, обезумела здесь от одиночества и страданий! Ты понимаешь меня?

Продолжает свои домогательства.

ДИДРО. Понимаю.

ЕКАТЕРИНА. Императрица ведь тоже – просто женщина. Я нуждаюсь в сочувствии, сердечности, дружбе. Заверяю тебя, я ищу только дружбы, искренней дружбы. Дружбы истинного человека. Гениального человека.

Снимает платье.

ДИДРО. Ты сама гениальна.

Помогает ей расстегнуть одежду.

ЕКАТЕРИНА. Не смущай меня. *(Целует его.)*

Это от тебя исходит свет, одухотворенность, благородство.

Екатерина помогает Дидро снять верхнюю часть одежды.

Я благодарна судьбе за то, что она послала мне тебя.

ДИДРО. Это не судьба. Это твоя воля.

ЕКАТЕРИНА. Воля? Скажи лучше – страх. Я ищу близкого мне человека. Подобно Диогену. С фонарем.

ДИДРО. Мадам... *(Осматривается.)*

ЕКАТЕРИНА. Твое самообладание восхищает меня. Возле тебя я чувствую себя в полной безопасности. Забываю о долге.

ДИДРО. Государыня, не слишком ли ты рискуешь...

ЕКАТЕРИНА. Не тревожься. Я в тебе нуждаюсь.

ДИДРО. Светлейшая государыня, я всеми силами хочу служить тебе.

ЕКАТЕРИНА. Скажи, разве существует для человека ценность более высокая, чем наслаждение?

Затемнение. Музыка. Немного спустя появляется одетый Дидро.

ДИДРО. Что было потом? Разве это так важно?

Ничего такого, что смогло бы повлиять на мое восхищение этой женщиной.

Она была прекрасна, застенчива, разумна... Именно так. Застенчива и разумна... Страстна и в страсти гармонична. Гармония – вот нужное слово.

Никакой необузданности, властности, похотливости... А я? Что я. Я стар и не склонен к порывам безумства. Не случилось почти ничего. Немного. Но то, что случилось, было прекрасно.

И больше – никто никогда не узнает.

Сцена 6.

Входят Дашкова и Потемкин.

ДАШКОВА. Дидро, дорогой философ! Наконец мы встретились. Как же я рада, что после стольких лет вы наконец дали вас соблазнить. Но почему только теперь? Как вам у нас? Нравится ли?

ДИДРО. Чрезвычайно нравится. Здесь великолепно. Я и сам жалею, что собрался так поздно. Решись я раньше, возможно, мое пребывание в Петербурге сложилось бы совершенно по-другому.

ДАШКОВА. Несомненно! Несомненно! А я просто падаю с ног. Три месяца провела в Москве. Целых три месяца! Привезла оттуда мастеров. Каскады, фонтаны, иллюминация. Вот бы предварительно с вами посоветоваться! Я, знаете

ли, придумала форму для лампионов – цветы, драконы, обелиски, вазы. Расставляю восемьсот человек и по единому знаку весь парк озарится светом.

ПОТЕМКИН. Княгиня – большая мастерица в устройстве праздников. Чтобы полюбоваться ее пылающими крепостями, люди съезжаются из всех околиц Петербурга. На триста верст вокруг деревни пустеют.

ДАШКОВА. Фи! Вы, генерал, рассказываете так, будто завидуете, что именно я устраиваю торжества по поводу дня рождения императрицы.

ПОТЕМКИН. Я и в самом деле завидую. И мне хотелось бы уметь придумывать для государыни такие же чудеса, как и вы. Ваши представления необыкновенно красивы.

ДАШКОВА. Моя иллюминация – это будет сон обманутого великана, рассказанный безумным поэтом. Персидская легенда! Добейтесь, господа, самых лучших мест на балконе возле императрицы. Оттуда лучше всего видно.

ПОТЕМКИН. Целых десять лет я мечтаю оказаться на этом балконе, чтобы любоваться фейерверком, его отражением в воде и ею одновременно!

ДАШКОВА. Каков льстец!

ПОТЕМКИН. Хоть вы, княгиня, и женщина, но все же нас роднит общее восхищение нашей государыней. Так что я вправе втайне мечтать о том, чтобы как можно чаще наслаждаться ее обликом. От вашей благосклонности, княгиня, многое зависит...

ДАШКОВА. Дам вам совет, генерал! Чем вздыхать и стонать, подобно Орлову, лучше перенять у господина Дидро хоть немного французского чувства юмора.

Рассмешить женщину – значит завоевать ее. А ведь и вам иной раз удастся удачно пошутить. И еще – рискните и как-нибудь навестите Мавру. Думаю, что уже пора!

Наступает тишина.

ПОТЕМКИН. Мавра занята нашим гостем.

ДАШКОВА (после паузы). Совсем запамятовала.

Пауза.

Господин Дидро, вы не согласитесь взглянуть на проект иллюминации? Я буду счастлива услышать ваше суждение.

ДИДРО. С величайшим удовольствием.

ДАШКОВА. Стоило мне на несколько недель отлучиться в Москву, а здесь такие перемены. (Пауза.) Помните нашу первую встречу в Париже? Я не переставала восхищаться смелостью, с которой вы позировали той художнице.

ДИДРО. Всего лишь одна несколько смелая выходка не заслуживает подобного внимания.

ДАШКОВА (кокетливо). Зато подтверждает огромную интуицию великого разума. Вы просто знаете, чего хочет женщина. На мой взгляд, – это признак безупречного вкуса. Порой одежда становится лишь препятствием. Не так ли?

ДИДРО. Честно говоря, я уже давно смотрю на нашу современную одежду с отвращением. Например, костюм по французской моде: чулки, башмаки, панталоны, жилет, фрак, жабо, подвязки, сорочка. Наденьте на Цезаря или Катона нашу шляпу и парик – со смеху помрешь.

Потемкин и Дашкова смеются.

Естественная наша одежда – это кожа, и чем больше мы об этом забываем, тем сильнее грешим против хорошего вкуса. Греки, хоть и надевали на себя один или два куска шерсти, в своей скульптуре предпочитали обнаженное тело. А наши дамы носят на себе целую лавку!

ДАШКОВА. Но это бывает так приятно!

ДИДРО. Не спорю. Я лишь утверждаю, что современный костюм странен и далек от естественности.

ПОТЕМКИН. Так ведь костюм носят не ради удобства, а чтобы люди знали кто перед ними – барин или мужик.

ДАШКОВА. Ваше замечание весьма справедливо, генерал, но соображения господина Дидро касаются более высокой материи... ах, как бы охотно я продолжила эту беседу, если бы не мои обязанности. Я должна, просто вынуждена с вами попрощаться. (К Дидро.) Рисунки и проекты вам доставят в течение часа. (Выходит.)

ПОТЕМКИН. А что это, собственно, такое – французский вкус?

ДИДРО. Вы просите дать определение?

ПОТЕМКИН. Да, прошу вас. Что делают французы лучше, чем русские, так что русские обезьянничают под французов, а не наоборот? Я согласен с вами,

что вся эта французская мода – сплошная глупость, особенно в нашем климате, и все-таки каждый стремится ей следовать. Даже самые светлые умы. Отчего?

ДИДРО. А знаете, возможно, отчасти это объясняется легкостью.

ПОТЕМКИН. Легкостью чего?

ДИДРО. Мысли. Некая беззаботность. Если вы допустите, что все предписано свыше, что это судьба правит нами, а не мы судьбой, то мода покажется вздором и вам станет легче жить.

ПОТЕМКИН. И кто предписывает свыше нашу судьбу? Бог?

ДИДРО. Многие очень хотели бы это знать, но я к ним не принадлежу. На что мне это? Разве тогда я смогу избежать ямы, в которой мне суждено свернуть шею?

ПОТЕМКИН. Я завидую вашей философии. А грех? Если я совершу нечто дурное, буду ли я невинен, поскольку так было предопределено свыше?

ДИДРО. Кто знает, генерал, чему в жизни следует радоваться, а чему огорчаться. Добро порой навлекает зло, зло – способствует добру.

ПОТЕМКИН. Не посоветуете ли вы мне какие-нибудь книги на эту тему?

ДИДРО. Их не один десяток. Несколько – у меня с собой.

ПОТЕМКИН. Вы не согласитесь мне их одолжить?

ДИДРО. С удовольствием.

ПОТЕМКИН. Сердечно благодарю. (*Выходит.*)

ДИДРО. Что с ним случилось? Почему он вдруг захотел у меня учиться? Влюблен в императрицу? Разумеется. Ведь он настойчиво старался это всем показать. Какова же однако роль Мавры во всем, что здесь происходит? Во мне шевельнулось чувство ревности. Но к кому?

Сцена 7.

ДИДРО. Можешь не отвечать, но если ты согласишься мне помочь, я найду способ тебя отблагодарить. Ты ко мне пришла по личному приказу императрицы?

МАВРА. Да. Но больше я не скажу ничего.

ДИДРО. А раньше тебе давали подобные поручения?

МАВРА. Не скажу.

ДИДРО. Я не слишком богат, но десять золотых рублей на твое приданое – это много или мало?

МАВРА (*после паузы*). Много. Если вы поклянетесь... Разве вы сами не догадываетесь?

ДИДРО. Я предпочел бы знать. Пойми, я не разбираюсь в некоторых ваших обычаях и немного растерялся.

МАВРА (*после паузы*). Это испытание. Нужно проверять.

ДИДРО. Меня?

МАВРА. Каждого.

ДИДРО. И много их было?

МАВРА. Какой вы любопытный! Этого я не скажу даже под пыткой.

ДИДРО. Императрица запретила пытки.

МАВРА. Как бы не так. Только не за это. Кто сможет выдержать сто ударов кнутом?

ДИДРО. Хорошо, это не так уж и важно. Последние десять лет фаворитом был граф Орлов. Значит...

МАВРА. Тише... Его я не испытывала. Пробир-дамой я стала всего два года назад.

ДИДРО. Как? Пробир-дамой?

МАВРА. Так это называют.

ДИДРО. И что? Потом ты обо всем докладываешь императрице?

МАВРА. Княгине.

ДИДРО. Дашковой?

МАВРА. Ага.

ДИДРО. А о чем она спрашивает?

МАВРА. О разном.

ДИДРО. Например?

МАВРА. Ну... деликатен ли, умел...

ДИДРО. Умел? Ага... И ты будешь ей про меня рассказывать?

МАВРА. Нет. Уже нет нужды.

ДИДРО. Нет нужды?

МАВРА. Государыня сама спросила. Сами прекрасно знаете...

ДИДРО. Я?

МАВРА. Спросила неделю назад.

ДИДРО. Ах, так?

МАВРА. Больше ничего не скажу. Да вы сами все знаете.

ДИДРО. Хорошо, хорошо. А девица барона Гримма? Она тоже пробир-дама?

МАВРА. Люба? Нет. Она не подходит для этого.

ДИДРО. Почему?

МАВРА. Не знаю. Но точно не подходит.

ДИДРО. Так сказала княгиня?

МАВРА. Ага!

ДИДРО. То есть - только ты одна?

МАВРА. Да. Но уж больше не скажу ни слова. Умоляю!

ДИДРО. Конечно, разумеется, спасибо тебе.

Мавра выходит.

ДИДРО. Так вот почему княгиня принялась осыпать меня комплиментами! Она просто ни о чем не знала, а я, между тем, сдал экзамен на фаворита! Впрочем, я тоже ни о чем не знал.

Предположил по наивности, что это всего лишь их традиционное гостеприимство. И выдержал испытание! Я - пожилой человек, старый кокет-извращенец получил свидетельство о пригодности!

Дорогие мои академики, плевать мне теперь на ваши лавры! Я выдержал экзамен.

Она отвергла Орлова, потому что он жесток, мужиковат. Отвергла, стремясь найти взаимопонимание высшего порядка?

То, что произошло между нами, и есть взаимопонимание высшего порядка! Я чувствую! Знаю!

Она во мне нуждается. Я ей необходим. Общность мыслей и приобщение к добродетелям! Наставник! Сподвижник! Друг!

Пауза.

Спокойно, спокойно.

На что мне эта холодная, огромная страна. Миллионы людей, уставившихся на ее божественное величие владычицы. Тысячи квадратных миль. Снега, льды, моря, пустыни...

И что?

Я, скромный мыслитель - должен влиять на весь этот край? На всю империю?

Вывести к солнцу темное, дикое племя, воспитать из них просвещенных, свободных граждан?

Показать всему миру, чего можно достигнуть посредством просвещения?

Эти люди жаждут знаний.

Достаточно одного поколения образованных людей, и свершится величайшая в истории революция во имя Разума, Правды и Красоты.

Пауза.

В глазах Фике я постоянно читаю зов и преданность.

Энциклопедия тоже поначалу казалась безумием.

Я влюбился.

Входит Гримм.

ГРИММ. Мне начинает казаться, что вы меня избегаете, дорогой друг.

ДИДРО. С чего вы взяли! Просто я днями и ночами тружусь над памятной запиской об организации образования в России.

ГРИММ. И есть надежда на осуществление вашей реформы?

ДИДРО. Каждое утро императрица поощряет меня.

ГРИММ. А меня каждый вечер.

ДИДРО. Как это?

ГРИММ. Это шутка. Я не занимаюсь реформой просвещения для императрицы. По вечерам мы беседуем на совершенно другие темы: литература, музыка, архитектура.

ДИДРО. Это, конечно, тоже важно. Императрица должна знать обо всех важнейших событиях в искусстве.

ГРИММ. Должна? Скажем иначе - императрица вправе развлекаться чем хочет и как хочет.

ДИДРО. Даже предаваясь развлечениям, она относится к ним как к разновидности научного познания.

ГРИММ. Возможно. Правда, самый искренний смех вызвал у нее вчера Потемкин, изображавший лошадиное ржание. Вряд ли удастся сделать из этого

научные выводы.

ДИДРО. Возможно, это некоторое преувеличение. Я все время работаю над моим проектом и потому постоянно размышляю о тяжком бремени управления столь огромной страной.

ГРИММ. А вы лучше начните черпать от здешних радостей, друг мой! Это самый великолепный двор в Европе. Париж, возможно, более утончен, зато Петербург – самый веселый!

Входит Потемкин. Он, похоже, слегка под хмельком, в руках у него книги.

ПОТЕМКИН. Возвращаю ваши книги, господин Дидро!

ДИДРО. И вы все прочитали?

ПОТЕМКИН. Все.

ДИДРО. Как быстро.

ПОТЕМКИН. У меня есть свой способ быстрого чтения.

ГРИММ. У меня тоже.

ПОТЕМКИН. Пари, что ваш не так хорош, как мой.

ГРИММ. Я не принимаю пари, потому что знаю, что вы, генерал, проиграете. Я охватываю одним взглядом целую страницу текста.

ПОТЕМКИН. Проиграли вы. Я усаживаю за чтение пятерых дьяков, а потом они должны за полчаса все мне пересказать.

ГРИММ *(разражается смехом)*. Чудесно! Великолепно! А вы не могли бы специально для господина Дидро изобразить ржание жеребца?

ПОТЕМКИН. Боюсь, что в нынешнем моем состоянии я сумею только залаять. *(Лает.)* Пес, как известно, готов загрызть каждого, кто приблизится к его хозяйке.

ГРИММ. А вы, генерал, не пробовали изображать другие звуки? У вас такой талант. Скрежет пилы, например, или грохот повозки, или музыку? Музыкальные инструменты?

ПОТЕМКИН. Инструменты! Не выношу скрипку! Готов сломать! Вот артиллерия? Пожалуйста. Конница? Почему нет. *(Выходит с криком "Урраааа...")*

ДИДРО. Отчего он не любит скрипку? Именно скрипку?

ГРИММ. Потому что участвовал в одной пирушке с музыкой. Если вы пообещаете молчать... Двенадцать лет тому назад, уже после свержения Петра, когда его поместили в уединенном дворце в Ропше...

Сцена 8.

Петр стоя играет на скрипке. Орлов, Потемкин и еще несколько придворных – двое, трое – исторически это были два брата Григория Орлова, советник Теплов и актер Волков. Потемкин еще в мундире поручика. Петр закончил играть. Все аплодируют.

ПЕТР. Здесь в Ропше, в этой глуши, можно было бы выдержать, если бы императрица согласилась на приезд ко мне Воронцовой. Убедите ее, господа, что я смирился с судьбой, и если она пришлет сюда мою возлюбленную, я буду счастливейшим человеком под солнцем.

ОРЛОВ. Мы передадим вашу просьбу ее императорскому величеству. Разрешите наливать?

ПЕТР. А ты выпьешь первым, Гриша?

ОРЛОВ. Да разве я посмею, ваше императорское величество?

ПЕТР. Хорошо, хорошо. Расскажите что-нибудь забавное! Я ужасно скучаю.

ОРЛОВ. Потемкин, расскажи про тот двор и свинью...

ПОТЕМКИН. Утром петух взлетает на плетень и поет: "Я бы кого-нибудь потоптал!" *(Подражает голосам всех животных.)* А хряк: "Кого? Кого?" А утка: "Всех кряду, всех кряду". А гусак: "Ага, ага!". А куры: "Вот так да! Вот так да!" А корова: "Мило, мило".

Все смеются.

ОРЛОВ. Он, ваше величество, прекрасно подражает животным. Покажи еще что-нибудь!

Потемкин квакает, подражая лягушке.

ПЕТР. А жаворонка?

Потемкин свистит.

А Бестужева?

Потемкин пародирует походку министра, затем садится, издав при этом неприличный звук. Все присутствующие очень громко смеются.

А Фике?

Тишина.

Что, Фике показать не сумеешь?

ПОТЕМКИН. Ваше величество, я бы никогда в жизни не осмелился.

Пауза.

ПЕТР. Правильно, юноша. Перед тобой я – лучший пример того, чем могут закончиться шутки над Фике. Выпьем за ее здоровье!

Все пьют.

Ой, что со мной? Меня отравили! *(Вскакивает и пытается выбежать. Остальные стараются его задержать.)*

Молока, дайте мне молока!

Орлов толкает Петра, тот падает на пол.

Что я вам сделал? На помощь! На помощь! Императора убивают!

Потемкин тянет со стола скатерть.

ПОТЕМКИН. Быстрей! Или он, или мы!

Потемкин и Орлов срывают скатерть и душат ею Петра.

Сцена 9.

Дидро и Гримм.

ДИДРО. Да. Политика не знает жалости.

ГРИММ. К тому, кто становится небезопасен. Императрица дала мне прочесть вашу памятную записку.

Пауза.

ДИДРО. И что вы о ней думаете?

ГРИММ. Весьма, весьма любопытно. Некая смелая концепция, не учитывающая нынешнюю ситуацию. Прямой дорогой ведет к... к чему-то наподобие бунта...

ДИДРО. Вы так считаете?

ГРИММ. Весьма оригинальная попытка быстро превратить людей, привыкших к ярму, – в людей свободных по принуждению.

ДИДРО. По вашему мнению – это абсолютно неприменимо на практике?

ГРИММ. Скорее всего – не слишком применимо. Затрудняюсь ответить. Введение подобной системы в Австрии или во Франции завершилось бы кровопролитной революцией. Здесь, возможно, принесет свои плоды. Они так покорны.

ДИДРО. И вы поделились своим мнением с императрицей?

ГРИММ. Не в такой резкой форме. Ведь между друзьями не должно быть места дипломатическим тонкостям, но в беседе с императрицей я лишь высказал сомнение – весьма деликатно, – в готовности ее народа к столь серьезным переменам.

ДИДРО. Весьма благодарен.

ГРИММ. Дорогой, милый Дидро! Перестаньте серьезно относиться к вашему пребыванию здесь. Мы им ни на что не нужны. То есть, извините, – нужны только для проектирования лампионов и покупки картин в Париже.

Но реформировать этих византийцев?

Жаль расхоронить ваш великолепный интеллект!

Мы верим в логику Аристотеля, в математику д'Аламбера, физику Ньютона.

Они верят, что царь – это Бог, и что человек обязан страдать за свои грехи уже здесь, в этой юдоли слез. Да – и еще, – что после смерти можно стать оборотнем.

Я боюсь давать им какие-либо советы.

В конце концов, с медведем можно флиртовать, но реформировать его?

ДИДРО. Итак, вы считаете, что европейский опыт не может пригодиться этой стране?

ГРИММ. Они примут лишь то, что захотят, и используют это совершенно иначе, чем мы склонны предполагать.

ДИДРО. Понимаю. И благодарю за откровенность. Ваши замечания весьма ценны.

ГРИММ. Только такой должна быть дружба между философами. *(Подает руку Дидро и выходит.)*

ДИДРО. Что я должен был ему ответить? Что императрица хочет счастья для своих подданных, а мой проект – это плод наших бесед, совместных решений, общих мечтаний? Я не мог ему в этом признаться! А может, мне следовало прямо заявить: "Ты – низкий, циничный, жеманный лакей, который пользуется своим выдающимся разумом для того, чтобы комментировать этот мир, но никогда не осмелится взять на себя риск его улучшить?"

Я же – тот единственный человек, который в состоянии ей помочь, ибо она

доверяет мне, а я ее понимаю. Понимаю и люблю."

Я мог так ответить, но не сделал этого. Сдержался.

Вбегает Дашкова.

ДАШКОВА. Друг мой! Милый, обожаемый маэстро!

ДИДРО. Княгиня...

ДАШКОВА. Пожалуйста, дайте мне руку!

Дидро подает руку, Дашкова ее целует.

Прошу вас всегда помнить - я вас боготворю! Пойдемте посмотреть наши фейерверки!

Дашкова выбегает, сцену заливают свет как бы от серии залпов фейерверка.

ДИДРО. И я отправился вместе с остальными аплодировать именинным фейерверкам княгини Дашковой.

Сцена 10.

Входят - Екатерина, Дидро, Дашкова, Потемкин, Бестужев, Гримм. Доносятся последние залпы. Сбравшиеся аплодируют императрице.

БЕСТУЖЕВ. Восхитительное зрелище, просто восхитительное. Я многое повидал, разные фейерверки, карусели, театры и иллюминации, - но это, княгиня, превзошло все ожидания. Музыка сфер. Великолепие этого праздника вызывало у меня слезы и радости, и воодушевления.

ПОТЕМКИН. И любви. Было видно, что огонь в каждой руке, - это пламя любви к государыне.

ДАШКОВА. Любви всего народа. Это чувствовалось. Такое не делается по приказу.

ГРИММ. Княгиня права. Такое не делается по приказу. Я видел тысячи лиц, светившихся счастьем.

ДИДРО. Быть любимой миллионами. Это ощущение должно быть прекрасно.

БЕСТУЖЕВ. Я безмерно рад, что успел до своей смерти пережить этот день. Умру счастливым.

ЕКАТЕРИНА. Ты, батюшка, всю жизнь трудился, чтобы Россия стала такой. И она теперь такова - благодаря тебе.

Изволь принять от меня в сей знаменательный день деревню Михайловку.

В ней немногим более тысячи душ, зато она расположена в живописных, весьма благодатных окрестностях Перми.

Сможешь поправить свое здоровье.

Пообещай, что проведешь там на отдыхе не менее, чем полгода.

БЕСТУЖЕВ. Благодарю, ваше императорское величество! Благодарю сердечно.

ЕКАТЕРИНА. А для тебя, княгиня, я ничего специально не приготовила, ведь я не знала, что ты так стараешься и по секрету устраиваешь столь чудное празднество. Потому просто прими бриллиантовое кольцо, которое нынче на мне. Пусть оно своим блеском напоминает тебе сегодняшнюю иллюминацию. (*Снимает кольцо и надевает его на шею Дашковой.*)

ДАШКОВА. Для меня, ваше величество, дороже всего то, что бриллианты были так близки к вашему сердцу.

ЕКАТЕРИНА. Вам, барон Гримм, я хочу в день моего рождения пожаловать одно из самых почетных у нас государственных отличий - орден Святого Владимира третьей степени с лентой.

ГРИММ. Я чрезвычайно польщен и поражен, ваше императорское величество, неожиданной наградой.

ЕКАТЕРИНА. Еще мне хотелось бы вознаградить человека, разуму которого и неустанным советам я обязана столь многим. Опасаюсь, правда, что княжеский титул и денежный дар вряд ли смогут достойно вознаградить его бескорыстную помощь и благородную преданность. И пусть этот человек, который весьма мне дорог, извинит столь долгое промедление с объявлением моей воли. Но ведь и терпеливость - тоже добродетель, заслуживающая поощрения. Григорий Александрович! Изволь принять титул князя и сей вексель. (*Подает вексель на золотой тарелке.*)

ПОТЕМКИН. Сто тысяч рублей! О, государыня! Позволь мне немедленно поцеловать твои стопы. (*Бросается на пол.*)

ЕКАТЕРИНА. Не дурачься, князь! Встань!

ПОТЕМКИН. Мне хочется заржать, Богом клянусь, я просто должен!

Ржет, некоторые из присутствующих смеются.

ЕКАТЕРИНА. Особый, специальный подарок я хочу вручить господину Дидро,

мудрость которого была мне опорой все последние месяцы, а сам он с примерным мужеством переносил петербургские морозы! (К Потемкину.) Будь добр, князь, подай нашему философу шубу!

Потемкин надевает на Дидро богатую, несколько великоватую, меховую шубу.

ПОТЕМКИН. Теперь-то уж вы не замерзнете, господин Дидро! Апрель у нас нынче холодноват.

Некоторые из присутствующих смеются.

ДИДРО. Весьма благодарен.

ПОТЕМКИН. Государыня, друзья, не знаю как вы, а я бы закусил, да и выпил бы тоже. Есть великолепная стерлядь!

ЕКАТЕРИНА. Bravo! Пойдемте ужинать! Только прошу тебя, Григорий Александрович, не пей слишком много.

ПОТЕМКИН. Я, государыня, никогда не пью слишком много!

Все, кроме Бестужева и Дидро, выходят.

БЕСТУЖЕВ. Я испытываю странное чувство. Мгновение назад у меня не было сомнений в том, что я – первый министр этой страны. А теперь я знаю, что самое меньшее полгода мне придется провести в ссылке. Как вы считаете, стоит из-за этого покончить с собой?

ДИДРО. Что вы сказали? Я не расслышал.

БЕСТУЖЕВ. Да, собственно, ничего важного.

Бестужев выходит.

ДИДРО. Григорий Потемкин. Обгрызающее ногти одноглазое чудовище. Шут. Душитель. Избранник. Этот монстр всей своей сутью противоречит существованию Бога.

Он – лучшее доказательство, что Бога нет.

Пауза.

К чему я ревную? К душе или к телу? (*Пауза.*)

Вздор. Невозможно, чтобы она была способна на подобном уровне...

Пауза.

Наверное, так было predeterminedено свыше, что я сам поставлю себя в дурацкое положение.

Сцена 11.

Входит Екатерина.

ЕКАТЕРИНА. Дорогой Дидро, мы ожидаем вас! А где граф Бестужев?

ДИДРО. Он ушел. Плохо себя почувствовал.

ЕКАТЕРИНА. В последнее время ему частенько неможется. Я немедленно пошлю к нему своего медика. Ну как? Тепло в шубе?

ДИДРО. Чрезвычайно, ваше величество! А вы, ваше величество, прочитали мой проект?

ЕКАТЕРИНА. Разумеется. Закончила прошлой ночью.

ДИДРО. Не соблаговолите поделиться вашим суждением?

ЕКАТЕРИНА. Не нравится он мне. Прости за резкость, но все это чистые фантазии. Любая власть, действуя подобным образом, теряет уважение народа.

ДИДРО. Но если государственная власть станет опираться не на образованных людей, а на рабов, она никогда не сможет совершенствоваться.

ЕКАТЕРИНА. Ты энтузиаст, фанатик. А фанатики опаснее, чем циники. (*Грозит пальцем.*) Строить империю значительно легче на циниках. Твои же взгляды несколько однобоки и чрезмерно радикальны.

ДИДРО. Я был уверен, что мы оба верим в действенность энтузиазма и мощь науки. Вы, ваше императорское величество, открыли мне глаза.

ЕКАТЕРИНА. Из тона твоего ответа следует, что ты чувствуешь себя обиженным. Весьма жаль. Поверь, я высоко ценю твой труд.

ДИДРО. Когда мы беседовали, мне казалось, что я слышу каждое биение твоего сердца, каждую мысль.

Работая над проектом, испытывал чувство, будто доверяю бумаге наши общие мечты.

И не то меня огорчает, что я не был по заслугам оценен, но то, что неверно понимал твои устремления.

ЕКАТЕРИНА. Сразу видно, что ты не человек двора. И даже не актер. Ни один правитель никогда и ни перед кем не раскрывает до конца своих намерений.

Я и так была с тобой весьма откровенна.

Доверилась тебе, рассказав о моих сомнениях. Просила помощи.

Но я не могу на шкуре миллионов россиян начертать республиканские лозунги только потому, что так мне велит прогрессивная философия Запада.

Я обязана слушать не только тебя, но и глас моего народа. А мой народ не хочет такой свободы. Смута, хаос и нищета – вот что ожидает тех, кого ты стремишься освободить. Им не нужны твои знания, они жаждут чуда, тайны и авторитета. Свобода, вольная мысль и наука их страшат.

Они слабые существа и жаждут иллюзий, расплачиваясь за них послушанием и верноподданностью.

Они раболепствуют, ибо хотят раболепствовать.

Народ нуждается в вере. В вере, которую не даст ему ни просвещение, ни наука, ни демократия. При этом несущественно, верю ли в Бога я. Сегодня мой народ был счастлив, потому что верил в меня. Ты тоже верил в меня, но тебя постигло разочарование и теперь ты склонен меня осуждать.

Но я не советую тебе делать это публично.

ДИДРО. Неужели ты боишься меня?

ЕКАТЕРИНА. Нисколько. Я оплачиваю тебя уже много лет, и все убеждены, что ты – мой агент. А разоблачения агентов, которые предали, мало кого занимают. И никого не удивляет, если за свои проступки они подвергаются наказанию, и даже погибают.

Уверена, что наша дружба преодолеет этот небольшой кризис. (Целует его в лоб и выходит.)

ДИДРО (после паузы).

Она пригрозила мне смертью.

В этой стране все обманчиво, а снисходительная бесцеремонность владыки, который принимает во дворце гостей вместе со своими холопами, – лишь изощренное глумление.

Она пригрозила мне смертью. Что ж, я был вынужден молчать.

Позднее она выкупила у моей дочери всю нашу переписку и приказала ее сжечь.

Обо мне она всегда отзывалась с благодушным пренебрежением.

Здесь кончается история амуров философа. Она не может завершиться иначе, если свыше нам предназначено совершить глупость.

Спокойной ночи.

З а н а в е с

1 Перевод И.Кузнецовой

Постановка и публичное исполнение пьесы – только по письменному разрешению автора перевода. ls.buhov@mtu-net.ru